

Андрей Максимов — «Газете»

«Неинтересных людей нет»

Сегодня на телеканале «Культура» юбилей: выходит в эфир полуторатысячный выпуск программы «Ночной полет». Проекту уже восемь лет — это рекордный срок для программы на современном отечественном телевидении. Специальный корреспондент «Газеты» Алина Ребель встретилась с ведущим «Полета» Андреем Максимовым в Театре Маяковского после репетиции его нового спектакля.

Сегодня выйдет полуторатысячный по счету выпуск «Ночного полета». У программы огромная история. Вы это чувствуете?

У меня идет работа, которая и шла. По большому счету, я ничего не ощущаю, потому что я стараюсь не задумываться. Ведь прошло восемь лет, и у нас побывало больше тысячи гостей, да каких гостей! Как только начинаешь об этом задумываться, все рушится. Лучше в данном случае руководствоваться поговоркой: «Делай, что должно, и будь что будет». Мне самому очень странно, что мне не просто не становится скучно, но становится все интереснее и интереснее. Договор на программу подписывается каждый раз на полгода, и я никогда не знаю, продолжится программа или нет. Но делать ее, разговаривать с людьми мне очень нравится.

Такая неопределенность не пугает?

Я работаю в ВГТРК и думаю, что нужен этой телекомпании. Не будет этой работы, будет другая. Но пока вроде все в порядке.

Весной 2005 года вы покинули компанию ATV и стали подчиняться ВГТРК. Почему?

У меня никогда не было конфликтов с руководством ВГТРК или телеканала «Культура». Но случались конфликты с руководством ATV. Одна из главных причин моего ухода в том, что я был невероятно несвободен в выборе героев. Сейчас мы отдаем списки гостей руководству «Культуры» просто для того, чтобы в программах не были одни и те же герои. Иногда телеканал «Культура» предлагает мне известных юбиляров в качестве гостей. Никакого другого вмешательства нет. Я вообще считаю невероятной удачей, что, когда «Ночной полет» закрыли на ТВЦ, мне позвонил Олег Добродеев и пригласил на «Культуру», а руководители канала Татьяна Паухова и Александр Пономарев эту идею приняли. Это очень здорово, потому что мой зритель — это зритель телеканала «Культура». Это зрители моих спектаклей, читатели моих книжек.

У вас перебивало такое количество гостей... Не боитесь, что в какой-то момент неопрошенных интересных персонажей не останется?

Это очень интересная штука: несмотря на огромное количество гостей, которые участвовали в моей программе, есть еще какое-то невероятное число людей, которые никогда в «Полете» не были. А еще много людей, которые были у меня шесть-семь лет

Фотограф: Петр Касин / Газета

назад. У меня очень хорошие редакторы — Ася Друянова и Галина Шевелева, они очень болеют за дело, так что у нас проблема не в том, кого позвать, а в том, когда позвать всех тех, кого хотелось бы. Ведь «Ночной полет» остался едва ли не единственной программой, на которую интеллигентный человек может прийти и высказать свою точку зрения... Поэтому люди частенько сами просятся к нам в программу, приносят мне свои книги, сочинения, философские исследования. Не потому, что я такой замечательный, а потому, что больше некуда. Мне кажется, эта программа стала барометром: если есть зритель, которому интересно смотреть, как два человека разговаривают, значит, все не так плохо.

Но ведь есть же еще программа Тины Канделаки «Детали» с дикими рейтингами...

Программа Тины Канделаки — программа про Тину Канделаки. Это программа про то, как она одета, говорит, удивляется, машет руками. И это очень хорошая программа, но она не про гостя, а про нее. В этом смысле «Детали» принципиально отличаются от «Ночного полета», потому что у нас программа про гостя. И хотя я некрасивый, толстый, лохматый, у меня нет стилистов, нет модной одежды, я не могу рекламировать головные уборы, меня в программе минимум. И в этом секрет нашего долголетия: программу смотрят не потому, что в ней хороший ведущий, а потому, что в ней интересные люди гости. Я стараюсь никогда не высказывать

свою точку зрения, вообще много на программе не говорю.

Кстати, про стилистов...

У меня никогда не было стилистов, меня никогда специально не одевали и не причесывали. Я хожу к парикмахерше своей жены, она меня и стрижет. Мне никто не подбирает рубашку к пиджаку. На программе я выгляжу так же, как в жизни. Разговариваю с людьми в жизни так же, как в студии. Стараюсь не играть, не выпендриваться. Это невероятная удача, что я когда-то попал в ATV, где был востребован именно такой тип ведущего. Потому что если бы из меня попытались сделать что-то другое, то вряд ли бы мне это понравилось.

А свой первый эфир помните?

Первый эфир был одним из самых главных в моей жизни. В программе «Ночное времячко» было несколько ведущих-интервьюеров. Я тоже очень хотел так побеседовать. И Новоженков предложил мне привести хорошего гостя и побеседовать с ним в эфире. Я позвонил своему учителю, человеку, которого я боготворю, Григорию Израилевичу Горину, и сказал: «Вот такая ситуация: если я с вами хорошо побеседую, меня пустят и дальше в эфир». То есть взвалил на него все проблемы. И он был такой блестящий, так здорово говорил! Он не очень понимал, кто у нас начальник, и после эфира на всякий случай говорил всем, какой в программе замечательный ведущий. А я вообще ничего не де-

лал — сидел тихо, страшно робел. У меня был большой опыт интервью газетных, потом на «Эхе Москвы», но, конечно, я растерялся... Так что в том, что получилось очень хорошее интервью, абсолютно не было моей заслуги. Эту программу делали сначала семь человек, потом осталось шесть, и так до того момента, пока я не остался один. Мое лицо в заставке этой программы появилось на восьмом году ее жизни, и то очень размытое. Я не люблю, когда в заставке лицо ведущего, потому что в этой программе главное — гости.

Вы до сих пор нервничаете в эфире?

Иногда очень сильно. И не всегда по творческим причинам. Иногда по техническим — все-таки прямой эфир. Однако с приходом в программу замечательного режиссера Виталия Минорского решились все технические проблемы. Раньше я очень переживал, когда не включался свет, пропал звук от звонков зрителей и т.д. Кроме того, это режиссер, благодаря которому вы видите то же, что вижу я в студии. Когда у меня в программе Алексей Симонов, рассказывая о своем отце, прослезился, режиссер это покажет. Не всякий режиссер ловит такие моменты. «Ночной полет» — это не разговор с умными людьми, интересными людьми, говорливыми людьми. Это разговор с разными людьми. Поэтому когда человек не хочет говорить, тушется, это тоже очень интересно. Из-за этого я не нервничаю, моя задача — этого человека разговаривать.

Чтобы разговаривать человека, его нужно любить?

Для этого есть определенные навыки. Отношение к этому человеку не имеет никакого значения. Иногда невероятный пиетет очень мешает. Например, когда ко мне в первый раз пришла Майя Плисецкая, я боялся ее до такой степени, что не мог подойти к ней до эфира. Поэтому про субъективное свое отношение я стараюсь не думать. Ведущий должен обязательно любить разговор как жанр жизни. Мне это очень нравится, я люблю говорить с самыми разными людьми.

Какой самый главный для вас результат работы в программе-долгожителе?

Для меня самые главные — два человеческих результата. Во-первых, я понял, что нет неинтересных людей. А во-вторых, я убедился, что все люди могут найти общий язык: от солистки «Бони М» до Спивакова или Фанни Ардан, и со всеми можно найти общий язык, хотя они очень разные.

Вы — академик Академии российского телевидения. Недавно прошла церемония ТЭФИ, которую серьезно раскритиковали, особенно за новую систему голосования.

Я был первым академиком, которого позвали голосовать. Это было страшное ощущение, потому что я не знал, куда идти и что делать. Мне очень понравилась новая система голосования, единственное — я бы хотел увидеть, как компьютер выбирал голосующих...если, конечно, это технически возможно. Что касается результатов, я не знаю ни одного конкурса в мире, результаты которого бы всем понравились. Мне кажется, ТЭФИ очень часто ругают, не понимая сути этой премии. Например, на последнем заседании академии возник вопрос о том, что «старикам» дают много премий, а молодым мало. На это все время намекала Тина Канделаки. ТЭФИ дают лучшим. Если у нас люди в возрасте профессиональнее молодых, значит, они должны получать награды. Меня смущает другой обсуждаемый вопрос — что дают одним и тем же. Как раз плохо, что не дают одним и тем же, — должны, а не дают. Познер очень хороший ведущий: он должен получать ТЭФИ каждый год, пока не найдется человек, который сделает программу лучше, чем он.

Вы в этом году были выдвинуты на ТЭФИ, но потом ваши документы отозвали. Почему?

Меня выдвигали от ATV. Когда я ушел из компании, Анатолий Григорьевич Малкин забрал мои документы. Очень детский поступок моего уважаемого учителя. Я получал ТЭФИ как ведущий информационной программы в 1999 году. Но никогда у меня не было ТЭФИ в номинации «Интервьюер». Это очень хорошая профессиональная премия. Я был членом жюри театральной премии «Золотая маска», и я академик ТЭФИ. Так вот: насколько подчас безумно и неоправданно раздают «Маски», настолько логично, честно и профессионально вручают ТЭФИ.

Моменты с Андреем Максимовым 01.12.05